

А. И. Китов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЭКОНОМИКА

Китов А. И.

К45 Экономическая психология.— М.: Экономика, 1987.—303 с.

Рассматриваются направления использования психологических знаний для повышения трудовой активности работника, коллектива, всего народа в целях ускорения экономического и социального развития страны. Анализируются конкретные психологические аргументы, раскрывается предмет экономической психологии и роль этой новой для нашего общества науки в совершенствовании производственных отношений социализма.

Для руководителей предприятий, научных работников, пропагандистов.

К $\frac{0601000000-188}{011(01)-87}$ 25-87

ББК 88.4

Монография

Ахмед Исмаилович Китов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Зав. редакцией **Б. А. Мясоедов**

Редактор **А. В. Лобова**

Мл. редактор **В. Ю. Григорьева**

Техн. редактор **О. К. Ли**

Худож. редактор **Е. А. Ильин**

Корректор **Л. М. Филькова**

Оформление художника **И. Н. Слюсарева**

ИБ № 2801

Сдано в набор 07.05.87. Подписано в печать 04.11.87. А06383. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,96/15,96 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л. 17,93. Тираж 55 000 экз. Заказ 571. Цена 1 р. 40 к. Изд. № 6241.

Издательство «Экономика», 121864, Москва, Г-59, Бережковская наб., 6.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Человеческий фактор в условиях ускорения социально-экономического развития	7
1. Понятие о резервах человеческого фактора в экономике	7
2. Работоспособность человека и производительность труда	17
3. Профессиональное мастерство и качество продукции	33
4. Творческий потенциал работника	47
5. Психологические особенности женщины-работницы	60
6. Возрастные особенности резервов человеческого фактора в экономике	74
Глава II. Перестройка психологии хозяйственной деятельности	90
1. Психологическая перестройка кадров	90
2. Уплотнение времени в свете требований концепции ускорения	103
3. Перестройка психологии планирования	117
4. Психологические грани нового хозяйственного механизма	130
5. Психологические резервы ускорения НТП	143
6. Активизация человеческого фактора в хозяйственной деятельности	160
Глава III. Психологический подход к совершенствованию экономических отношений	176
1. Взаимосвязи политэкономического и психологического подходов	176
2. Человек в мире вещей	187
3. Формирование общественно-собственнической психологии	199
4. Отражение отношений обмена в психологии участников хозяйственной деятельности	210
5. Психологические особенности распределительных отношений	226
6. Потребности и отношения потребления	240
Глава IV. Критический анализ психологизаторства буржуазной политической экономики	256
1. Экономическая психология и психологизация экономических явлений	256
2. Психологизм микроэкономической теории А. Маршалла	265
3. «Основной психологический закон» Дж. М. Кейнса	277
4. Психологизаторские аргументы «нового социализма» Дж. Гэлбрейта	288
Заключение	300

А. И. Китов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МОСКВА ЭКОНОМИКА 1987

ББК 88.4
К 45

Рецензенты:

докт. экон. наук **В. В. Куликов**;
канд. экон. наук **Н. Я. Калюжнова**;
канд. филос. наук **Э. Н. Фетисов**

К $\frac{0601000000-188}{011(01)-87}$ 25—87

© Издательство «Экономика», 1987

ВВЕДЕНИЕ

Революционные преобразования в общественной жизни, начатые в нашей стране в соответствии с решениями апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда партии, глубоко задевают чувства и мысли, настроения и переживания, психологию каждого советского человека. Это касается всех сфер общества — экономической, социальной, духовной, которые органически взаимосвязаны в целостную систему и не могут порознь претерпевать сколько-нибудь коренных изменений. И все же нужно смотреть в корень: перестройка общества в первую очередь есть перестройка его экономики в самом широком смысле — производительных сил и производственных отношений, хозяйственного механизма, планирования и управления. Книга эта посвящена поиску ответа на вопрос: в каких взаимосвязях находится перестройка экономики с психологией участников хозяйственной деятельности.

О сложности этих взаимосвязей говорилось на январском и июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС. Подавляющее большинство советских людей приняли партийную линию на обновление общества как руководство к действию и все свои силы отдают делу перестройки. Но еще не сломлен до конца механизм торможения, не преодолены ведомственные барьеры и местничество, не побеждены окончательно бюрократизм и консерватизм, не изжита склонность к администрированию, не всем по душе оказались экономические методы управления, основанные на широкой и непосредственной демократии. За всеми этими негативными явлениями стоят живые люди, которые противостоят ускорению объективно, независимо от того, понимают они свое фактическое положение или нет. Если наиболее сознательная, наиболее восприимчивая к концепции ускорения часть руководителей и рядовых работников выдвинулась на острие перестройки и ведет нелегкую борьбу за слом механизма торможения, зачастую рискуя собственным материальным и моральным благополучием, то сторонники отживших методов хозяйствования все еще пытаются держаться за устаревшие

традиции, которые многие годы в прошлом обеспечивали им моральный и материальный комфорт. Тут не обходится без влияния инертности мышления и других психологических характеристик человека. Словом, трудности перестройки экономики — это одновременно и трудности психологической перестройки кадров. Возникающие в связи с этим теоретические и практические проблемы в значительной мере выходят за рамки традиционного понимания компетенции экономических и психологических наук и оказываются на стыке их предметов.

Как известно, политическая экономия изучает производственные отношения в тесной связи с производительными силами, причем отношения эти рассматриваются как независимые от воли и желания человека. Значит, вопросы о том, как эти отношения представлены в психологии людей, оказывает ли психология человека какое-либо влияние на экономические отношения, политическую экономию мало интересуют (добавим: так по крайней мере было до недавнего времени). Что касается психологической науки, то отношения людей всегда находились в центре внимания последней, но рассматриваются они обычно вне экономического контекста. Вот и получается, что субъективные, фактически складывающиеся в процессе производства, обмена, распределения и потребления отношения людей по поводу вещей не изучаются пока ни в политической экономии, ни в психологической науке. Именно этот пробел в научном знании призвана устранить экономическая психология. Она несет с собой новый тип знания, принципиально отличающийся от традиционных для экономических и психологических наук.

Нужда в этом новом типе знания продиктована тем, что экономические и психологические знания, отделяемые друг от друга их границами в сложившейся номенклатуре наук, в хозяйственной практике руководителем применяются в единстве. Значит, ему необходим такой тип знания, в котором экономические методы хозяйствования как бы взвешены под углом восприятия людей, особенностей их психологии. Такого знания не дают пока ни экономические, ни психологические науки. Тем не менее экономическая психология не является в этом отношении оригинальной. Так, инженерная психология оперирует знаниями, которые нельзя всецело отнести ни к техническим наукам, ни к психологическим, хотя знания такого типа оказались очень кстати для инженеров-конструкторов, эксплуатационников, имеющих дело с человеко-машинными системами.

Подобно тому как знание инженерной психологии не освобождает инженера от необходимости глубокого знания технических наук, экономическая психология ни в коей мере не претендует на то, чтобы как-то умалить роль экономической теории в качестве фундамента образования хозяйственного руководителя. Не исчерпывает экономическая психология и всего объема психологических знаний, необходимых хозяйственному руководителю. Ему не обойтись без знания основ целого ряда других отраслей психологической науки — инженерной психологии и психологии труда, социальной психологии, педагогической психологии.

Экономическая психология соприкасается и с другими отраслями психологической науки: с инженерной психологией, изучающей «человека среди машин»; психологией труда, сосредоточенной на «человеке в труде» (но не в хозяйственной деятельности); социальной психологией, имеющей дело с «человеком среди людей». Но только она сама исследует «человека в мире вещей», психологию участника хозяйственной деятельности, психологические закономерности регуляции поведения и деятельности человека в экономической сфере общества.

Справедливости ради надо сказать, что во встречном движении экономистов и психологов друг к другу инициатива исходила чаще всего от первых. Л. И. Абалкин еще в 70-х годах призывал экономистов полнее учитывать психологические особенности участников хозяйственной деятельности. Широкая панорама взаимосвязей экономики и психологии развернута в серии его научных и публицистических статей, опубликованных после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. На рубеже 70—80-х годов о необходимости создания новой науки — экономической психологии — писал П. Г. Бунич. Близкие экономической психологии идеи высказывают А. Г. Аганбегян, Т. И. Заславская, В. В. Куликов, Г. Х. Попов. Экономисты проявили инициативу и в организации первой совместной с психологами встречи, состоявшейся в 1984 г. в г. Звенигороде, которая обсуждала роль психологических факторов в экономике. Наконец, в последнее время особенно остро о возрастающем значении психологических знаний для совершенствования экономической деятельности высказался В. Г. Костаков¹. Немало внимания психологическому фактору в экономике уделяют философы.

¹ Коммунист. 1987. № 2. С. 83.

В начале 80-х годов на проблемы экономической психологии обратили внимание психологи. Тогда же были развернуты соответствующие исследования в АНХ при Совете Министров СССР. По результатам этих исследований, проводившихся совместно со слушателями, выпущено пять сборников («Психология управления», 1982; «Психология и экономика», 1983; «Актуальные проблемы экономической психологии», 1984; «Формирование нового типа экономического мышления», 1985; «Психологические проблемы ускорения социально-экономического развития», 1986). Большую помощь в разработке этих тем оказали психологам экономисты и социологи Академии — Г. В. Бадеева, Р. В. Гаврилов, Н. Н. Гвоздев, В. С. Немченко, П. А. Скипетров, В. П. Шкретов, А. А. Хандруев, Ю. В. Яковец.

Важным событием с точки зрения перспектив становления экономической психологии явился состоявшийся в мае 1987 г. в г. Костроме Всесоюзный симпозиум по актуальным проблемам социальной психологии. Все это помогло точнее определить проблематику междисциплинарных исследований и четче отработать «общий язык», понятный и экономистам, и психологам, и, что особенно важно, хозяйственным руководителям.

В предлагаемой книге автор высказывает свою точку зрения на предмет, проблематику и актуальные задачи экономической психологии в свете требований XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК партии. Ее структура построена таким образом, чтобы осветить психологические аспекты важнейших направлений реализации концепции ускорения социально-экономического развития. Книга открывается анализом резервов человеческого фактора, путей выявления и вовлечения их в хозяйственную деятельность. Далее рассматриваются психологические грани нового хозяйственного механизма, формирование которого еще продолжается. В третьем разделе предпринята попытка выявить своеобразие психологического подхода к совершенствованию экономических отношений. Книга завершается критическим обзором психологизаторских тенденций в буржуазной политической экономии.

Глава I

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1. ПОНЯТИЕ О РЕЗЕРВАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ЭКОНОМИКЕ

XXVII съезд КПСС утвердил программу действий поистине революционного характера и масштабов. Ее стержнем является решительное ускорение социально-экономического развития нашей страны на пути строительства коммунизма. Программа эта предусматривает качественное преобразование всех сторон жизни советского общества.

В экономической области планируется подъем народного хозяйства на принципиально новый научно-технический уровень, перевод всей экономики на рельсы интенсивного развития. Съезд потребовал развернуть настойчивую борьбу за достижение высшего мирового уровня производительности общественного труда, качества продукции и эффективности производства. Будут обеспечены оптимальная структура и сбалансированность народнохозяйственного комплекса страны, повысится уровень обобществленности труда и производства, еще более сблизится колхозно-кооперативная собственность с общенародной и усилится тенденция к их слиянию. На этой основе Советский Союз выйдет на новые рубежи в решении всемирно-исторической задачи формирования нового человека, всестороннего развития личности, все более полного удовлетворения ее материальных и духовных потребностей. Это будет качественно новое состояние советского общества, в полной мере раскрывающее огромные преимущества социалистического строя во всех сферах жизни.

Решения партии предстоит воплощать в жизнь массам, всему советскому народу, каждому трудящемуся челове-

ку. «Социализм не создается по указам сверху,— учил В. И. Ленин.— Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹. В полном соответствии с этим ленинским положением съезд записал в Программу КПСС: «Успешное решение намеченных задач партия связывает с **повышением роли человеческого фактора**»².

Марксизму принадлежит открытие подлинной роли человеческого, личного фактора в производстве материальных и духовных благ, в социально-экономическом развитии общества. В буржуазной политической экономии бытовала и продолжает преобладать точка зрения, согласно которой прибавочная стоимость порождается не только трудом, трудящимся человеком, но также еще и капиталом. Основоположники научного коммунизма убедительно доказали, что единственным источником прибавочной стоимости при капитализме и прибавочного продукта при социализме является живой труд. Хорошо известно, насколько высоко оценивал К. Маркс роль средств труда в развитии общества. Он отмечал, что эти слагаемые производительности труда «не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»³. Исходя из этого, К. Маркс предостерегал от недооценки значения «прошлого труда» для «труда настоящего»⁴. Вместе с тем он критиковал буржуазных экономистов за то, что они «выдвигают на первый план *предметные* элементы производства и переоценивают их значение по сравнению с *субъективным элементом*, живым, непосредственным трудом»⁵.

Из того, что в структуре производительных сил, включающих человека, предметы и средства труда, единственной активной силой является человек, не следует, будто средства и предметы труда могут быть противопоставлены человеческому фактору как «нечеловеческий фактор», т. е. как нечто такое, что свободно, «очищено» от него. Так, в психологическом смысле средства труда представляют собой сплав вещества природы и физических и духовных сил человека, причем сплав, в котором ведущая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 140.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191.

⁴ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 286.

⁵ Там же. С. 285.

роль принадлежит не веществу природы, потребительную стоимость и стоимость ему придает человек силой своего ума, воли, энергии. Так что средства труда тоже являются в определенном смысле человеческим фактором, хотя и овеществленным. Нельзя противопоставлять человеческий фактор и предметам труда, ибо абсолютное большинство участников процесса производства имеют дело с такими их разновидностями, которые уже несут на себе отпечаток человеческого фактора. Даже земля и вода как всеобщие предметы труда ныне уже практически перестали быть нетронутыми человеком в том или другом отношении. Словом, человек в структуре производительных сил занимает особое положение, не сопоставимое со средствами и предметами труда, если даже отвлекаться от того, что они сами являются полностью (средства труда) или частично (предметы труда) овеществленным трудом других людей, т. е. своего рода частицей, как бы отделившейся в свое время от физических и духовных сил человека же и слившейся с веществом природы.

Если «средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости»¹, если в то же время только человек способен «быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам»², то отсюда легко заключить, что резервы человеческого фактора составляют главный резерв производства.

Надо сказать, что до недавнего времени резервы человеческого фактора в экономике зачастую недооценивались. На словах, конечно, никто не отрицал их роли в повышении эффективности производства. Но в практике управления народным хозяйством это проявлялось в различных формах. Одна из них — недооценка назревших проблем развития материальной базы социально-культурной сферы страны, в результате чего сложился по существу остаточный принцип выделения ресурсов для ее развития. «Известный перекося в сторону технократических подходов ослабил внимание к социальной стороне производства, быту, досугу, что не могло не привести к снижению заинтересованности трудящихся в результатах труда, ослаблению дисциплины и другим отрицательным явлениям», — указывалось на XXVII съезде КПСС³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 215.

² Там же. С. 205.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 44—45.

В условиях когда при рассмотрении факторов общественного производства в центр внимания ставилась техника, а не человек, когда органы управления народным хозяйством придерживались, если можно так сказать, техноцентрической позиции, наносился прямой ущерб и развитию самой техники. Ибо неуклонное снижение престижа инженерного труда, имевшее место вплоть до недавнего времени, не могло не затормозить научно-технический прогресс. Переоценивая роль техники в решении экономических проблем, хозяйственные органы упускали из поля зрения самих инженеров, продуктом труда которых являются технические идеи, опредмечиваемые рабочими в виде машин.

Давно было уже видно, что устарела система подготовки инженерных кадров, но ее перестройка не проводилась. С одной стороны, образовался немалый избыток инженерных кадров, выпускники вузов уходили на работу не по специальности, превращались в конторских служащих. Система высшего технического (и не только технического) образования функционировала в связи с этим в значительной мере вхолостую, напрасно отвлекая на многие годы выпускников общеобразовательных школ от участия в производительном труде. С другой стороны, возник острый дефицит инженерных кадров по новым и новейшим направлениям научно-технического прогресса. Сильно отстало от требований жизни материальное поощрение технического творчества; дело доходило до парадокса, когда способный инженер получал заработную плату значительно меньшую, чем посредственный рабочий, не отличающийся ни особым мастерством, ни заметной добросовестностью в труде.

Не лучше обстояло дело с моральным поощрением. Журнал «Коммунист», отмечая особую актуальность в связи с задачами научно-технического прогресса на производстве вопросов оплаты инженерного труда, в передовой статье дал следующую оценку состоянию дел по затронутой проблеме: «Существующая система стимулирования труда технологов и конструкторов слабо связана с его реальной отдачей, а следовательно, не может обеспечить напряженную работу инженерно-технического персонала по созданию и внедрению новой техники, соблюдению режима экономии, достижению высокого качества продукции»¹. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О совершенствовании опла-

¹ Коммунист. 1985. № 11. С. 10.

ты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности» положило начало новому, научно обоснованному подходу к повышению эффективности производства на основе научно-технического прогресса. В постановлении ускорение самого НТП ставится в прямую связь с умелым использованием резервов человеческого фактора, в том числе творческого потенциала ИТР.

Другую, тоже одностороннюю позицию, недооценивающую роль резервов человеческого фактора в повышении эффективности производства, можно назвать экономико-центрической. При этом в центр внимания ставится не техника или человек, а какие-то свойства хозяйственного механизма, которые якобы способны обеспечить эффективность производства сами по себе, без сколько-нибудь глубокого учета личного фактора.

Классической иллюстрацией несостоятельности такой позиции стал случай, имевший место в нашей хозяйственной практике в относительно далеком прошлом. В 20-х годах для пожарных была введена новая система оплаты труда — за продолжительность времени, в течение которого каждый участвовал в тушении пожара. С точки зрения здравого смысла против такого порядка, казалось бы, трудно возразить, ибо величина подлинно рабочего времени равна продолжительности тушения пожара. Сначала пожарные поступали по-прежнему, всеми силами пытались быстрее погасить огонь. Вскоре они, однако, обнаружили, что чем расторопнее тушат пожар, тем меньше заработная плата. Тогда стали «растягивать» время, а трудовая задача превратилась в свою противоположность: чтобы не остаться без заработной платы, нужно было как можно более продолжительное время поддерживать огонь на загоревшемся объекте. Дело окончилось тем, что когда не стало работы (соответственно и заработной платы), пожарные совершили поджог.

Словом, расчет на то, что «хорошая» экономическая мера может работать, не преломляясь в сознании людей, не преобразуясь в нем, оказался несостоятельным. В психологическом отношении случай с пожарными имеет глубокий смысл, не потерявший своего значения и в настоящее время. Когда строители стремятся бросить все средства на наиболее выгодные для данного коллектива работы, например по так называемому нулевому циклу или по монтажу каркаса зданий и сооружений, а отделочные работы откладываются на неопределенное будущее, народное хозяйство охватывает тот же «пожар», хотя и

инного качества, но с теми же последствиями: растет «незавершенка», ресурсы омертвляются. Строителям, почти так же как незадачливым пожарным, оказывается выгодно растягивать сроки строительства. Таким образом, интересы коллектива начинают противоречить интересам общества, что для социалистического государства является аномалией.

Подобного рода факты имеют место не только в строительстве, конечно. В отраслях народного хозяйства немало примеров тому, когда недостаточное внимание к человеческому фактору при подготовке и принятии хозяйственных решений в конечном счете дает экономический эффект, противоположный ожидаемому. Вследствие этого иное предприятие выпускает устаревшую продукцию, не пользующиеся спросом товары народного потребления, а живет нормально. «Наш хозяйственный механизм допускает подобные явления»¹, — отмечал М. С. Горбачев. Чтобы максимально быстро поправить это, говорил он, нужно добиться, чтобы тот, кто выпускает продукцию на уровне современных требований, имел материальные и моральные преимущества.

Существует еще одна ошибочная позиция в понимании истоков эффективности производства, умаляющая значение человеческого фактора. Ее условно можно назвать социоцентрической, так как она ставит во главу угла заботу о человеке, взятую в отрыве от его трудового вклада в производство. Такой подход чаще встречается у социологов и социальных психологов. При этом совершенно справедливая идея о зависимости эффективности производства от так называемого соцкультбыта, от психологического климата в трудовых коллективах и так далее, т. е. в конечном счете от заботы о человеке, абсолютизируется, рассматривается вне экономического и научно-технического контекста.

Подобная позиция привлекательна во многих отношениях. Она перекликается (и только!) с правильным пониманием основной цели социалистического производства: все для человека, все во имя человека. Кроме того, идея сама по себе своим гуманистическим звучанием производит благоприятное впечатление на работников. И тем не менее социоцентрическая позиция тоже носит односторонний характер. Главная ее слабость в том, что она невольно создает мнение у работников, будто благоприятные материальные и духовные условия для них должен

¹ Коммунист. 1985. № 6. С. 22.

создавать некто со стороны (чаще всего «сверху»), а они сами призваны лишь потреблять указанные условия.

Таковыми настроениями заражаются работники различных категорий. Иной рабочий, опоздавший на работу из-за плохой работы транспорта, удивляется, когда ему делают замечание: причем тут я, считает он, если не было автобуса, если прождал его на остановке полчаса? А вот обратиться к администрации автопарка и добиться наказания виновного, исправления положения он не считает необходимым: это, по его мнению, должен делать кто-то другой. Точно так же снабженец, сорвавший материально-техническое снабжение, из-за чего простаивают мощности, не менее озадачен, когда упрекают его в бездеятельности: а что, дескать, я могу сделать, если подводит поставщик? Ему и в голову не приходит, что надо было самому предвидеть вероятность срыва поставок и заранее подстраховать производство.

Или вот еще. Работница увольняется с работы из-за отсутствия места в детском саду, будучи убежденной в своей правоте: введите, мол, в строй новый детский сад, тогда я вернусь. Ее можно понять, конечно. Но откуда взяться детскому саду, если текучесть кадров будет расти, а эффективность производства покатится под гору? Особенно опасно, когда такими настроениями заражается руководитель. Иногда, завалив план, он становится в позу обиженного: а как, дескать, я мог его выполнить, если он не сбалансирован по ресурсам? Словом, каждый считает, что о нем должны позаботиться, ему должны создать условия, его должны обеспечить и т. д.

Тут есть одна тонкость, которую нельзя упускать из виду. За годы Советской власти у нас зародилась и утвердилась своеобразная, если так можно сказать, «психология защищенности». Хочет уволить директор завода — заступает профсоюз, не дали квартиру в порядке очередности — есть кому восстановить справедливость, обсчитали в магазине — не останется без последствий, будут приняты надлежащие меры и т. д. Все это, конечно, хорошо, но имеет и обратную сторону. Привыкая к тому, что обо мне всегда кто-то заботится, я невольно забываю, что все многообразие этих «забот» в конечном счете создается только трудом, в том числе и моим, что главная из всех забот (и моя в том числе) должна заключаться в добросовестной работе без скидки на «объективные причины». Словом, обратной стороной психологии защищенности иногда оказывается психология иждивенчества, эгоцентризма.

Не акцентируя внимание на прямой зависимости услуг и благ, предоставляемых обществом, от вклада каждого во всенародную копилку, социоцентрический подход ставит проблему повышения эффективности производства с ног на голову, подставляет следствие вместо причины, сеет настроения, далеко не способствующие переводу экономики на путь интенсивного развития. Между тем «нет других путей к созданию благ, кроме эффективной работы»¹.

Пониманию сущности резервов человеческого фактора в экономике противостоит происшедшее за последние годы смещение ценностных акцентов с трудовой деятельности человека на иные формы его социальной активности, бесспорно важные, но тем не менее вторичные по отношению к участию в материальном производстве.

Взять хотя бы встречающуюся кое-где оценку работника не по тому вкладу, который он вносит в экономику на основной своей работе, за которую получает заработную плату, а по другим критериям, например по признаку общественной активности. Было бы нелепо противопоставлять трудовую активность общественной работе. Но еще менее логично, когда в передовиках скорее оказывается не тот, кто лучше трудится, а тот, кто проявляет более высокую общественную активность, хотя по своим прямым обязанностям он далеко не из первых. Да и само понимание общественной активности претерпевает изменения, нежелательные для социалистического общества, где главной ценностью является труд, требующий не только напряжения, но зачастую и перенапряжения физических и психических сил, не слова, хотя бы и вежливого и почувствованного, а дела, умения и искусства создавать материальные ценности, не щадя своих сил.

Трудовая активность — это фундамент общественной активности, которая без нее может оказаться «на песке». Труд еще не стал игрой интеллектуальных и физических сил, и затенять «трудности труда» разного рода публицистическими и околonaучными украшениями — значит умалять его значение для социалистического общества. А таких случаев все еще немало и в жизни, и в произведениях искусства, и в сообщениях средств массовой информации. Наша печать, радио, телевидение, кино, театр блестяще справляются с задачей пропаганды «ярких» профессий — эстрадных артистов, художников, писателей и поэтов, спортсменов — даже любителей собирать марки и держать у себя дома экзотических зверей и птиц.

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. М.: Политиздат, 1987. С. 428.